

V.

Надежды нѣтъ имъ возвратиться;
Но сердце поневолѣ мчится
Въ родимый край.—Они душой
Тонули въ думѣ роковой.

Но пылъ взвивалась надъ холмами
Отъ стада и борзыхъ табуновъ;
Они усталыми шагами
Идутъ домой. Лай вѣрныхъ псовъ
Не раздавался вкругъ аула,
Природа шумная уснула;
Лишь слышенъ дѣвъ издалика
Напѣвъ унылый. Вторять горы,
И нѣженъ онъ, какъ птичекъ хоры,
Какъ шумъ пріятный ручейка:

пѣсня.

Какъ сильной грозой

Сосну вдругъ согнетъ,

Пронзенный стрѣлою

Какъ левъ зареветъ:

Такъ русскій средь бою

Предъ нашимъ падетъ.

И смѣлой рукою

Чеченецъ возьметъ

Броню золотую

И саблю стальную,

И въ горы уйдетъ.

Ни конь, оживленный

Военной трубой,

Ни варваръ, смятенный

Внезапной борьбой,

Страшнѣй не трепещетъ,

Когда вдругъ заблещетъ

Кинжалъ роковой.

Внимали плѣнники уныло
Печальной пѣсни сей для нихъ,
И сердце въ грусти страшно ныло...
Ведутъ черкесы къ саклѣ ихъ
И, привязавши у забора,
Ушли. Межъ нихъ огонь трещитъ;
Но не смыкаетъ сонъ ихъ взора,
Не могутъ горестъ дня забыть...

VI.

Льетъ мѣсяцъ томное сіянье.
Черкесы храбрые не спятъ;—
У нихъ шумливое собранье:
На русскихъ нападать хотятъ.
Вокругъ осѣдланые кони;
Серебряны блещутъ брони;
На каждомъ лутъ, кинжалъ, колчанъ
И шашка на ремняхъ наборныхъ,
Два пистолета и арканъ,
Ружье; и въ буркахъ, въ шапкахъ черныхъ
Къ набѣгу старъ и младъ готовъ.
И слышенъ стукъ издалика;
Черкесы смотрятъ: межъ кустами
Гирей видно, бѣдока!

VII.

Онъ понуждалъ рукою могучей
Коня, приталкивалъ ногой,
И влекъ за нимъ арканъ летучій
Младого плѣнника съ собой.
Гирей приблизился—веревкой
Былъ связанъ русскій, чуть живой.
Черкесь прыгнулъ—рукою ловкой
Разрѣзывалъ канатъ;—но онъ
Лежалъ на камнѣ—смертный сонъ
Леталъ надъ юной головою...

Черкесы скачутъ ужъ—какъ разъ
Сокрылись за горой крутою;
Урокомъ бьетъ полночный часъ.

VIII.

Отъ смерти лишь изъ сожалѣнья
Младого русского спасли;
Его къ товарищамъ снесли.
Забывши про свои мученья,
Они, не отступая прочь,
Сидѣли близъ него всю ночь.

И блѣдный ликъ, въ крови омытый,
Горѣлъ въ щекахъ—онъ чуть дышалъ
И, смертнымъ холодомъ облитый,
Протянувшись [?], на травѣ лежалъ.

IX.

Ужъ полдень, прямо надъ ауломъ,
На свѣтло-синей высотѣ,
Сіялъ въ обычной красотѣ.
Сливались съ протяжнымъ гуломъ
Стадовъ [?] черкесскихъ по холмамъ
Дыханье вѣтерковъ проворныхъ,
И ропотъ ручейковъ нагорныхъ,
И пѣнье птичекъ по кустамъ.
Хребта Кавказскаго вершины
Пронзали синеву небесъ,
И опералъ дремучій лѣсъ
Его зубчатая стремнина.
Обложень ступенями горъ
Расцвѣлъ узорчатый коверъ;
Тамъ подъ столѣтними дубами,
Въ тѣни, окованный цѣпами,
Лежалъ нашъ плѣнникъ на травѣ.
Въ слезахъ, склонясь къ молодой главѣ,
Товарищи его несчастья
Водой старались оживить;
Но ах! утраченного счастья
Никто не могъ ужъ возвратить...

Вотъ онъ, вздохнувши, приподнялся,
И взоръ его ужъ открывался!
Вотъ онъ взглянулъ.. затрепеталъ:
Онъ съ незабытыми друзьями!—
Онъ, вспыхнувъ загремѣлъ цѣпами—
Ужасный звукъ все, все сказалъ!!
Несчастный залился слезами,
На грудь къ товарищамъ упалъ
И горько плакать и рыдалъ.